

УДК: 303.446.2

ОКСАНА ЖУЛЕНЕВА,

аспирант отдела методологии и методов социологии Института социологии НАН Украины

Культурные универсалии, инвариантность и эквивалентность: их роль в реализации кросс-национальных исследований

Аннотация

В статье анализируются вопросы, связанные с теоретико-методологическими основаниями сравнительных социологических исследований. Проанализирована роль культурных универсалий, инвариантности и эквивалентности с точки зрения онтологических принципов достижения релевантного и равноценного сравнительного анализа. Культурные универсалии рассматриваются как теоретико-концептуальный уровень анализа сходств и различий проявлений социального феномена в различных культурах и странах, инвариантность — как структурный показатель оценки сходств и различий феномена, эквивалентность — как результирующая характеристика сопоставимости данных исследования на основании определенных параметров проверки.

Ключевые слова: кросс-национальные исследования, кросс-культурные исследования, культурные универсалии, инвариантность, эквивалентность

Сравнительный анализ культур с неизбежностью порождает необходимость установления “ядра” культуры, то есть такого ее компонента (компонентов) либо их комбинаций (“конфигураций”), который определяет глубинное содержание культуры. Для этого необходимо установить некоторое основание равноценности социокультурного анализа, чтобы сравнение имело смысл. Если некие феномены имеют одинаковое название в разных странах, это еще не означает, что этот термин имеет везде одинаковое значение или что подразумеваемые феномены можно измерять одним и тем же образом. Здесь возникает вопрос, будут ли концептуальное значение переменных и способ, которым они измеряются, равноценными в странах, вовлеченных в исследование? Где заканчиваются социокультурные факторы и начинаются транскультурные?

Общей проблемой для всех *сравнительных исследований* является определение таких систем понятий, переменных и измеряющих их индикаторов, чтобы они были применимы с эквивалентными значениями в *сравнительных условиях*. В международных сравнениях важнейший аспект этой проблемы обусловлен тем, что каждое сравниваемое общественное явление существенным образом связано с определенной общественно-экономической системой, образом жизни людей, разными культурно-историческими условиями. Поэтому некоторые внешне аналогичные социальные явления и процессы в разных обществах имеют различные значения и выполняют различные функции. Кроме того, в разных системах возникают, существуют и развиваются некоторые новые специфические и исторически уникальные явления, играющие существенную роль в жизнедеятельности этого общества. В этой связи ряд количественных показателей обладает в различных системах различными качественными особенностями [Leung, Van de Vijver, 2006: p. 112–115]. В подтверждение этому рассмотрим проблему политического протеста: поскольку в каждой политической системе действуют свои правила, регулирующие политическую жизнь, то и протест против системы может принимать в разных странах неодинаковые формы. В то время как в одной стране правительство разрешает массовые демонстрации и приемлет существование инакомыслия, правительство другой страны за то же самое подвергает своих граждан серьезным наказаниям, вынуждая их искать другие способы выражения своего недовольства. Так, можно предполагать, что в странах, где открытое инакомыслие наказуемо, люди протестуют скрытыми способами, к которым относится уклонение от требований и предписаний правительства. Лишенные возможности открыто выразить свое несогласие с системой, люди могут обратиться к таким средствам борьбы, как растрата государственных средств, уклонение от уплаты налогов, злоупотребление бюрократическими инструкциями. Таким образом, чтобы сравнить антиправительственную деятельность в разных странах, в одних случаях можно рассматривать открытые выражения протеста, а в других — “беловоротничковую” преступность. Вполне возможно, что обе переменные являются эквивалентными мерами протеста, но нет достаточно убедительных доказательств этого. Другим возможным вариантом такого сравнения является утверждение, что эти два вида деятельности на самом деле отражают *разные* вещи: открытый протест — это хороший барометр базового понятия, а “беловоротничковая” преступность — нет. Люди могут растрачивать государственные средства, уклоняться от уплаты налогов, злоупотреблять своим служебным положением в силу самых разных причин, вовсе не обязательно напрямую связанных с недовольством политической системой или с протестом против нее. Если это так, то обе меры сравнения не эквивалентны и в разных странах относятся к явлениям разного порядка. Другими словами, “беловоротничковая” преступность, возможно, не является в данном случае *надежным* показателем, потому что отражает не совсем то, что необходимо измерить.

В свою очередь, межнациональные и межкультурные сходства легко поддаются социологической интерпретации. Однако такая стратегия интерпретации не всегда может быть оптимальной. Даже очевидные на первый взгляд сходства или различия могут в себе скрывать совершенно непредсказуемый подтекст, и то, что подлежало одной интерпретации, на самом деле может потребовать совершенно других объяснений. Дело в том, что социально-структурные сходства могут возникать вследствие достаточ-

но различных исторических процессов, но вызывать подобные социальные и психологические последствия, и наоборот. Примером может быть исследование Мелвина Кона, Карми Скулера, Джона Миллера, Керри Шоенбаха и Казимира Сломчиньского, исследовавших психологическое влияние социальной стратификации (иерархическое разделение власти, преимуществ, престижа) в США, Польше и Японии. Согласно результатам исследования, несмотря на четко выраженные культурные различия этих стран, взаимосвязи между социальной стратификацией и профессиональной самостоятельностью, а также между профессиональной самостоятельностью и личностью в Японии подобны соответственным связям в США и Польше. Это свидетельствует о том, что в отличных друг от друга обществах социальная стратификация связана с ценностями, социальными ориентациями и умственной деятельностью, так как люди с более высоким социальным положением имеют больше возможностей быть независимыми в своей работе. Данная интерпретация иллюстрирует, что при выявлении межнациональных сходств объяснение должно быть сосредоточено на общих для обществ социально-структурных закономерностях, а не на конкретных исторических, культурных, политических или экономических обстоятельствах каждой страны. Даже если характерные черты в данном примере “социальной структуры” не “идентичны” (не полностью одинаковы), все же возможно выявить межнациональные непротиворечивые связи между социальной структурой и личностью в случае эквивалентности характерных черт структуры в сравниваемых странах [Kohn, 1987: p.713–731].

Таким образом, проблема сравнения явлений и процессов в различных социально-экономических и временных срезах относится к основным проблемам *сравнительного* анализа. Рассмотрим, по каким параметрам можно проверить равноценность объектов сравнения (социальных феноменов, явлений в разных культурах и странах) на разных уровнях анализа: концептуально-теоретическом, методическом и непосредственно эмпирическом уровнях.

Культурные универсалии

Одной из главных предпосылок сравнительных исследований является представление о том, что различные культуры и, тем более, страны, несмотря на их разнообразие, в своей основе имеют много общего, и эти общие аспекты поддаются научному анализу [Кравченко, 2008: с. 245].

Культурные особенности проявления того или иного социального феномена складываются исторически в ходе приспособления определенного сообщества к условиям существования, создания устойчивых сетей межличностного взаимодействия. Они передаются от поколения к поколению с помощью механизма традиции и поддерживаются за счет коллективной реализации в социальной жизнедеятельности. Изучая малые и большие, традиционные и современные общества, социологи, антропологи и психологи постепенно обнаруживают параметры, которые обязательно присутствуют в каждой социальной культуре.

Такими параметрами являются культурные универсалии. Это наиболее распространенные в социальной практике культурные формы (нормы, образцы, стереотипы сознания и поведения), которые отличаются сравнительным единообразием черт у самых различных народов и имеют абстракт-

ный, символический характер. Они выражают характеристики культурного опыта, значимые для любой культуры. Универсалии как базисные ценности культуры помогают определить общие черты человеческой культуры.

П.Штомпка выделяет два теоретических источника универсалий. Они могут “появиться в разных обществах параллельно, независимо друг от друга как выражение некоторых универсальных потребностей или императивов” [Штомпка, 2005: с. 255]. Эти потребности (или императивы) проистекают из самой природы человека или коллективов, сообществ, но могут образовываться и “в процессе некоего культурного обмена, проникновения или распространения отдельных культур в более широких ареалах” [Штомпка, 2005: с. 255]. Во втором случае, по мнению П.Штомпки, следует говорить о культурной диффузии, что будет проявлением распространения того культурного содержания, которое первоначально сформировалось в рамках одной, специфически особенной партикулярной культуры [Штомпка, 2005: с. 255].

Примерами бытования культурных универсалий могут быть такие социальные сферы, как семья, религия и межличностное общение. Однако в каждой из этих однотипных по своей сути сфер проявляются огромные различия в деталях. Существует множество форм семьи и способов семейной жизни, огромное количество идей, касающихся потусторонней жизни, представлений о Боге, религиозных ритуалов, правил совместной жизни единоверцев.

А если так, то возникает вопрос, существуют ли какие-либо конкретные культурные элементы современной жизни, присущие всем сферам общественной жизни, встречающиеся всегда и везде? Такие элементы есть, и они основаны на общих принципах, определяющих функционирование и развитие любой культуры и нации. Джордж Мердок выделил семь таких принципов (подр. см.: [Кравченко, 2008: с. 213]):

1. Принцип научения: культура передается посредством научения, поэтому все культуры имеют некоторые черты единообразия, являющиеся отражением этого универсального общего фактора.

2. Принцип воспитания: культура прививается воспитанием, многие привычки, приобретаемые путем научения, передаются от родителей к детям из поколения в поколение и, прививаемые вновь и вновь, обретают такую устойчивость во времени, такую относительную независимость от индивидуальных носителей, что мы вправе определять их в совокупности как “культуру”.

3. Принцип социальности: культурные привычки сохраняются во времени не только благодаря тому, что передаются в процессе воспитания. Они, кроме того, еще и социальны; иначе говоря, они разделяются людьми, живущими в организованных коллективах, или обществах, и сохраняют свое относительное единообразие под воздействием социальных факторов. Культура зависит от способа жизни и развития общества. Согласно этому принципу, во всех культурах и их носителях, сохранившихся до настоящего времени и доступных для исследования, должны наблюдаться некоторые черты сходства, поскольку все они должны были обеспечивать выживание сообщества. Среди таких культурных универсалий можно отметить чувство групповой сплоченности, механизмы социального контроля, организацию защиты от враждебного окружения и обеспечение воспроизводства населения.

4. Принцип идеальности: групповые обыкновения, составляющие культуру, в значительной степени концептуализированы (или вербализированы) как идеальные нормы или паттерны поведения. В той степени, в какой культура идеациона, мы можем утверждать, что во всех культурах должны

обнаруживаться определенные сходства, проистекающие из универсальных законов, управляющих символическими мыслительными процессами.

5. Принцип удовлетворения потребностей: культура всегда и с необходимостью обеспечивает удовлетворение базисных биологических потребностей и вторичных потребностей, возникающих на их основе. Элементы культуры — это проверенные привычные способы реализации человеком своих побуждений во взаимодействии с внешним миром. Удовлетворение подкрепляет привычки, упрочивает их и воспроизводит, тогда как отсутствие удовлетворения неизбежно приводит к их угасанию и исчезновению. Таким образом, элементы культуры могут продолжать существовать лишь при условии положительного подкрепления соответствующих потребностей. Это получило отражение в бихевиористском принципе “стимул–реакция”.

6. Принцип адаптивности: культура адаптируется к социальной ситуации при взаимодействии с другими культурами посредством заимствований и реорганизации. По мере изменения условий жизни старые социокультурные формы перестают удовлетворять социальные потребности и исчезают; возникают новые потребности, а вслед за ними — отвечающие им новые культурные механизмы. Таким образом, для того, чтобы делать корректные кросс-культурные и кросс-национальные обобщения, необходимо признать принцип историчности культуры и, в особенности, роль диффузии в культурном развитии. Вместе с тем следует подчеркнуть, что исторические события, как и географический фактор, обуславливают, но не определяют ход развития культуры. Человек приспосабливается к ним и избирательно опирается на них для решения своих проблем и удовлетворения своих потребностей. Здесь и состоит главная задача исследователя — определить, какие из возникших внешних социокультурных факторов определили различия в исследуемых культурах и странах, чем были вызваны и что детерминируют.

7. Принцип интегративности: будучи одним из продуктов процесса адаптации, элементы данной культуры имеют тенденцию образовывать согласованное и интегрированное целое. Если культура интегративна, то соответствия или корреляции между сходными элементами должны повторяться в разных, не связанных друг с другом культурах.

На основании этих принципов формируются универсалии культуры, которые служат онтологическим основанием для анализа культурных сходств и различий. Несмотря на то, что культурные универсалии проявляются в ограниченных сферах, благодаря этим общим для всех культур принципам можно наблюдать культурные явления, во многом подобные друг другу. На протяжении своей истории любой культуре свойственно передавать социокультурные образцы из поколения в поколение, адаптироваться к новым веяниям времени, взаимодействовать с другими культурами, обществами. При взаимодействии культурные элементы подвергаются диффузии, как бы переплывают из одной культуры в другую, оказываются заимствованными, унаследованными, навязанными со стороны другой культуры, смешанными с элементами собственной культуры. Это может быть:

1. Подчинение более слабого общества более сильным, внедрение доминирующей, господствующей культуры и ликвидация локальных культур. Примером может служить влияние Российской империи и Австро-Венгрии на Украину и разделение по ментальным особенностям Украины на два социокультурных региона: Западный и Вос-

точный, значительно различающиеся между собой по ценностным и мировоззренческим системам.

2. Смешение культур в многонациональных сообществах, где многочисленные группы эмигрантов вносят свой культурный вклад, подвергающийся сложной, главным образом стихийной, обработке. Классическим примером такого рода является феномен “плавильного котла” в США.
3. Обмен культурными, духовными ценностями и продуктами через рынок и средства массовой информации. Особым проявлением подобного взаимопроникновения культур является феномен глобализации.

Механизм культурной диффузии способствует тому, что при всех различиях культур, в каждой из них есть нечто общее, для всех универсальное. И какими бы похожими либо отличными ни казались культуры или государства, нельзя игнорировать ни влияния межкультурных контактов, ни условий окружающей действительности, ни требований времени. Задача исследователя — выстроить и провести исследование так, чтобы найти общее и отличное в каждой культуре, нации, государстве.

Инвариантность

Индикаторы исследования должны быть операционализированы и детально проверены с целью обнаружения социокультурных неточностей, абстракций и неоднозначностей, с тем чтобы оценивание сложных межкультурных связей было наиболее корректным, учитывающим объективные и субъективные параметры. И здесь, при переходе на уровень эмпирического анализа, требуется понятие, которое в анализе социокультурных особенностей могло бы охватить структурный уровень межкультурных сходств и различий, учитывая базисные составляющие культуры, которые остаются неизменными на протяжении длительного времени, и более динамичные особенности, которые отражают типичные для данного общества и данного времени представления людей о социальной действительности в определяющих сферах общественной жизни: экономической, политической, правовой и семейно-бытовой. Таким понятием является “инвариантность”.

Инвариантность определяется посредством двух ключевых понятий — “структуры” и “устойчивости” — и обозначает константные характеристики элементов, делая акцент на тех связях, которые при любых преобразованиях остаются неизменными. Изучение инвариантности данных в кросс-национальных исследованиях связано с необходимостью выявления в структуре динамичных общественных межкультурных отношений устойчивых оснований, не зависящих от внешних изменений [Казиев, 2003: с. 218–256].

Как было сказано ранее, любое сравнительное исследование строится на принципе: все культуры и страны, несмотря на их разнообразие, имеют нечто общее (культурные универсалии), формируемое на основании общих принципов и видоизменяемое под действием определенных факторов: социальных (адаптация к новым реалиям социокультурной жизни); исторических событий отдельного народа, взаимодействий с другими культурами, народами (заимствование, реорганизация); неудовлетворенности от прежних социокультурных норм. Все это приводит к изменениям структурных связей социокультурной жизни отдельной культуры, общества-нации. Ключевой проблемой здесь является соответствие *универсальных* феноме-

нов их *культурно-различным* значениям, поскольку под действием вышеупомянутых факторов даже самый универсальный и очевидный при анализе сходств и различий феномен может иметь латентный специфический и достаточно непредсказуемый контекст, игнорирование которого может привести к разного рода неэквивалентности — измерительным отклонениям и некорректным интерпретациям данных. Любой феномен должен рассматриваться “как часть экологической подсистемы... а не как продукт или следствие того, что остается от контекста после того, как из него вырезали то, что необходимо объяснить” [Бейтсон, 2000: с. 245–247]. Контекстуальные переменные являются теми характеристиками анализируемого феномена, которые при анализе структурных связей определяют инвариантные и вариативные составляющие социокультурного феномена.

Каждое сравниваемое общественное явление существенным образом связано с определенной общественно-экономической системой, образом жизни людей, определенными культурно-историческими условиями. Здесь необходимо провести структурно-контекстуальный анализ, на основании которого можно выделить инвариантную модель схожих, постоянных и неизменных связей проявления социокультурного феномена, благодаря нахождению своего рода независимых переменных.

Г.Хофстеде и его коллеги [Hofstede, Pedersen, 2002: р. 40] выявили и описали различия национальных культур по следующим параметрам:

- 1) идентичность (identity) — индивидуализм/коллективизм;
- 2) иерархия (hierarchy) — приемлемая для членов общества дистанцированность власти (большая/малая);
- 3) пол (gender) — феминность/маскулинность;
- 4) истина (truth) — сильная/слабая неопределенность;
- 5) добродетель (virtue) — долгосрочная/краткосрочная ориентация.

Например, американская и западноевропейская культуры традиционно более индивидуалистичны, чем российская или украинская, в большей степени акцентируя индивидуальную ответственность и мотивацию индивида, например, в деловом и потребительском поведении. Меньшая дистанцированность власти в американской культуре (в сравнении с российской) более благоприятна для открытых коммуникаций и динамичного функционирования горизонтальных связей и сетевых структур, характерных, в частности, для открытых инноваций. А феминность культуры стран Северной Европы, таких как Финляндия, обусловила мировое лидерство этой страны в области радикальных инноваций, требующих интуиции, гибкости, коммуникабельности и нестандартного мышления.

Таким образом, существование общих антропологических принципов формирует культуры на единой основе, над которой надстраивается множество отличительных признаков. В зависимости от степени близости культур в ходе их развития формируется тот или иной “культурный регион”, группа стран и культур, которые схожи по большинству социокультурных характеристик. Вместе с тем эти “культурные регионы” могут отличаться в проявлениях определенных феноменов в силу своих специфических контекстуальных условий. Например, многочисленные кросс-культурные исследования позволяют утверждать, что население Европы можно отнести к единому “культурному региону”, для которого свойственны общие социокультурные характеристики [Davidov, 2008: с. 156]. Однако социокультурные феномены

в западной и постсоветской действительности могут различаться, вплоть до противоположностей, поэтому при изучении какого-либо социокультурного феномена необходим анализ структурных связей, структурных сходств (инвариантов) и различий (контекстуальных составляющих). С теоретико-методологической точки зрения инвариант в современной социологии (учитывая центробежные тенденции, маргинализации, утрату ощущения целостности мира) выполняет роль системообразующего фактора, являясь искомым свойством постоянного и неизменного в проявлении того или иного социокультурного феномена. Культурный инвариант отличается от культурных универсалий тем, что на него влияет время и контекст; только та составляющая социального объекта может обладать инвариантными характеристиками, которая под действием специфических контекстных и временных параметров остается устойчивой и неизменной. Именно нахождение этой характеристики является предпосылкой для выводов о пределах сопоставления и сравнения объектов. Существует мнение, что без установления статистической инвариантности нет оснований сравнивать отдельные характеристики (латентные переменные) тех или иных групп. Существует три уровня инвариантности: инвариантность конфигураций, метрическая инвариантность и инвариантность шкалы [Мацумото, 2002: с. 200–218].

Первый уровень (конфигуральная инвариантность) свидетельствует о схожести структур исследуемого концепта/феномена в группах, относительно которых проводится исследование. Однако конфигуральная инвариантность не гарантирует того, что измерительные индикаторы будут одинаково отображать значение теоретического конструкта в понимании людей из разных групп. Коэффициент нагрузки может различаться в разных странах. Оценивание следующего, более высокого уровня инвариантности (метрической инвариантности) позволяет сравнивать силу нагрузок теоретического конструкта на измерительные индикаторы. Тем не менее для кросс-национального сравнения допускается, чтобы не все факторные нагрузки были равны. Некоторые ученые предполагают, что для этого достаточно иметь две равные факторные нагрузки на конструкт в разных странах, что позволяет производить сравнение эффектов [Burne, Shavelson, Muthén, 2008: р. 456–466]. Третий уровень инвариантности (инвариантность шкалы) позволяет сравнивать средние значения латентных переменных измерительных моделей в разных группах. Статистически инвариантность оценивается с помощью введения сдерживающих факторов нагрузки каждого элемента на соответствующую конструкцию, чтобы проверить уровень структурных сходств проявления концепта/феномена в разных группах. Измерение данного уровня инвариантности поддерживается, если модель не может быть значительно улучшена путем освобождения от некоторых факторных ограничений. Благодаря оцениванию инвариантных (неизменных) составляющих социального объекта, концепта или феномена становится возможным определить, до какой степени допустимо сравнивать социальные объекты разного уровня в пространстве и во времени [Davidov, 2008: с. 33–46].

Часто за наблюдаемыми сходствами могут скрываться глубокие различия, и то, что, казалось бы, предполагает единственную интерпретацию, на самом деле может требовать в том или ином случае разных объяснений. Чтобы ответить на вопрос о сходствах и различиях при проведении кросс-национального и кросс-культурного исследования, важно провести статистический анализ на наличие инвариантных показателей, которые по опре-

деленным контекстуальным параметрам являются общими и неизменными для той или иной группы стран.

Это, в свою очередь, является параметром проверки концептуальной эквивалентности и эквивалентности единиц измерения [Saris, Satorra, Van der Veld, 2009: с. 561–582].

Эквивалентность

В методологии кросс-национальных исследований проблема эквивалентности является ключевой. Эквивалентность — мерило корректности сравнительного анализа. Главная причина появления проблемы эквивалентности заключается в существовании различных социокультурных контекстов в сравнительных исследованиях, что ведет либо к разному пониманию одинаковых терминов, либо к тому, что одно и то же явление по-разному оценивается в разных странах. В разных странах для характеристики данных используются в чем-то различающиеся определения, и привести такие данные к единому знаменателю оказывается вовсе не просто.

Например, мы хотим сравнить уровни социального обеспечения в странах, находящихся на разных ступенях социально-экономического развития. Можно предположить, что в более развитых странах на социальные программы выделяется больше средств. И наоборот: чем менее развита страна, тем меньше она выделяет средств на социальные нужды. Казалось бы, не так трудно определить однозначную меру уровня социального обеспечения: стоит только оценить долю расходов на программы социального обеспечения (пенсии, помощь инвалидам и беднякам и пр.) в общем объеме государственных расходов или в общем объеме произведенных товаров и услуг (измеряя его совокупным общественным продуктом). Применяя эту меру, скорее всего, мы обнаружим, что наше предположение было верным.

Однако и здесь измерительная мера может оказаться неэквивалентной применительно к целому ряду стран. Определяя ее в терминах таких формальных параметров, как правительственные выплаты пенсионерам, инвалидам и нуждающимся, можно недооценить степень участия неформальных или местных организаций в оказании помощи нуждающимся в тех странах, где официальные социальные программы либо отсутствуют, либо ограничены по масштабам. Следовательно, разные сообщества могут опираться на разные способы обеспечения нуждающихся, и мера, учитывающая только официальные программы помощи, вполне может исключить из поля зрения исследователя неофициальные, но отнюдь не менее важные способы перераспределения средств. В этом случае наша мера социального обеспечения будет отражать не столько заботу о нуждающихся, сколько общий уровень институционализации в стране. Таким образом, необходимо удостовериться, что каждая такая переменная отражает одно и то же базовое понятие. Как и при выборе единых или общих показателей это может представлять определенные трудности, поскольку нет гарантии, что выбранные нами переменные равнозначны (эквивалентны). От тщательности оценивания уровня эквивалентности зависит выбор критериев сопоставления и возможность корректного анализа результатов исследования.

Следует также отметить, что эквивалентность является не качеством измерительного инструмента, а скорее результирующей целого ряда характеристик этого инструмента [Мацумото, 2002: с. 443–454]. Для исключения

возможности фиксации сходств или различий просто как артефакта вследствие отличий в характере выборки, содержании поставленных вопросов, измерениях пытаются проектировать исследования так, чтобы они были сопоставимы, обеспечивая как концептуальную и измерительную, так и лингвистическую эквивалентность. И если лингвистическая эквивалентность достигается с помощью взаимобратного перевода, то одним из способов достижения концептуальной и измерительной эквивалентности является проверка статистической инвариантности.

Выводы

Таким образом, культурные универсалии, уровень инвариантности и эквивалентность представляют собой онтологические параметры для достижения релевантного и равноценного сравнения социокультурных феноменов. Имеются явные параллели между самыми общими характеристиками культуры (универсалиями) и социокультурными инвариантами. В любой культуре можно найти межкультурные универсалии, которые связаны с основными потребностями человека в адаптации к окружающему миру (взаимоотношения детей и родителей, запрет на родственный брак и т.д.). Однако есть культурные характеристики, которые не являются явными культурными универсалиями, но под действием времени и во взаимодействии с другими культурами остаются неизменными – это культурные инварианты. Культурный инвариант отличается от культурных универсалий тем, что на него влияет время и контекст; и только те составляющие социального объекта могут обладать инвариантными характеристиками, которые под действием специфических контекстных и временных параметров остаются устойчивыми и неизменными. Инвариантность в данном случае рассматривается как структурный показатель оценки устойчивости и неизменности структурных связей объекта исследования, что позволяет проанализировать, насколько одинаково измеряется и воспринимается изучаемый социокультурный феномен или теоретический концепт в кросс-национальном и/или кросс-культурном исследовании. В свою очередь, установление статистической инвариантности является параметром проверки концептуальной и измерительной эквивалентности.

Источники

Бейтсон Г. Экология разума : Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Бейтсон Г. ; пер. с англ. — М. : Смысл, 2000. — 476 с. — (Серия : Золотой фонд мировой психологии).

Казиев В.М. Некоторые системные и методологические аспекты информатики и информатизации / В.М. Казиев // Новые инфокоммуникационные технологии в социально-гуманитарных науках и образовании: современное состояние, проблемы, перспективы развития / под ред. А.Н. Кулика. — М. : Логос, 2003. — 424 с.

Мацумото Д. Психология и культура / Мацумото Д. — СПб., 2002. — 718 с.

Хрестоматия по культурологии : учеб. пособие / [сост. А.И. Кравченко]. — М. : ТК Велби ; Проспект, 2008. — 384 с.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Штомпка П. — М. : Логос, 2005. — С. 255.

Byrne B.M. Testing for the Equivalence of Factor Covariance and Mean Structures: The Issue of Partial Measurement Invariance / B.M. Byrne, R.J. Shavelson, B. Muthen // *Psychological Bulletin*. — 1989. — 105 (3). — P. 456–466.

Davidov E. A Cross-Country and Cross-Time Comparison of the Human Values Measurements with the Second Round of the European Social Survey / E. Davidov // *Survey Research Methods*. — 2008. — Vol. 2, № 1. — P. 33–46.

Hofstede G.J. Exploring Culture: Exercises, Stories and Synthetic Cultures / Hofstede G.J., Pedersen P.B., Hofstede G. — Yarmouth, Maine: Intercultural Press, 2002. — 234 p.

Kohn M. Cross-National Research as an Analytic Strategy: American Sociological Association / M. Kohn // *American Sociological Review*. — 1987. — 52 (6). — P. 713–731.

Leung K. Cross-Cultural Research Methodology / K. Leung, F.J.R. Van de Vijver // *Psychology Research Handbook : A Guide for Graduate Students and Research Assistants* / F. Leong & J. Austin (Eds.). — Second Edition. — S.l., 2006. — P. 443–454.

Saris W.E. Testing structural equation models or detection of misspecifications? / W.E. Saris, A. Satorra, W.M. Van der Veld // *Structural Equation Modeling : A Multidisciplinary Journal*. — S.a. — 16 (4). — P. 561–582.